

Пресса о «Бруклине» Колма Тойбина

Предыдущими своими романами Колм Тойбин доказал, что ему под силу какие угодно темы и настроения, но здесь он восхитительно сдержан почти до самого финала, где наносит читателю удар под дых, выступая достойным последователем Генри Джеймса.

NPR

«Бруклин» — цельный и местами загадочный роман. Порой он отстраняется от своей эмоциональной топографии, порой погружает нас в чувственные или психологические перипетии... При любом его прочтении — как неочевидной повести о сопричастности и ее путях или как подрывной романтической истории — он вселяет стойкую надежду на то, что посреди унылой жизни у любви и желаний юности все-таки есть будущее.

The Independent

Один из тех волшебно негромких романов, которые подкрадываются к читателю и завладевают их воображением.

USA Today

В «Бруклине» Тойбин, по своему обыкновению, вызывает к жизни сильные эмоции в пробелах между строк.

The Guardian

Прекрасный трогательный роман, убедительное доказательство неуклонно растущего диапазона и мастерства Колма Тойбина.

Kirkus Reviews

Стильные, элегантные истории Тойбина, тихие на поверхности и бурлящие в глубине, поистине актуальны — не зря список его международных наград неуклонно растет.

Los Angeles Times

Героиня «Бруклина» — одна из самых незабываемых персонажей современной литературы.

Pittsburgh Post-Gazette

Колм Тойбин, умелый рыбак, вылавливает эмоции, обитающие на глубине. Его персонажи и сюжеты бесконечно разнообразны. В «Бруклине» он тихо, скромно показывает, как умеют самоутверждаться города, как они окутывают пришельцев и заявляют на них права.

The New York Times

Великолепно.

Sunday Telegraph

Незабываемо.

The Spectator

Этот изысканный воодушевляющий роман — шедевр Колма Тойбина.

The Sunday Times

Главный вопрос «Бруклина» — вопрос, который и двигает повествование, — таков: возможно ли поистине покинуть свой дом? «Бруклин» — эмоционально богатая история о том, как уйти и все начать с начала.

Publishing Perspectives

В этом романе нет антагонистов, нет психологических драм, нет безвыходного отчаяния. Есть только молодая женщина, которая постепенно становится собой, учится переносить жизненные тяготы, делать выбор, отвечать за него и понимать, что в конечном счете любой выбор ничего не значит перед лицом судьбы.

O, the Oprah Magazine

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сидя у окна верхней гостиной в доме на Фрай-эри-стрит, Эйлиш Лейси смотрела, как ее сестра торопливо шагает по улице, возвращаясь с работы. С новой кожаной сумочкой, купленной на распродаже в дублинском «Клерисе», Роуз перешла с солнечной стороны улицы на затененную. Одета Роуз была в кремовый кардиган. В прихожей ее поджидали клюшки для гольфа. Через несколько минут, знала Эйлиш, кто-то заедет за ней и до вечерних сумерек этого летнего дня сестра дома не объявится.

Учеба Эйлиш на бухгалтерских курсах близилась к завершению, на коленях у нее лежало руководство по системам учета, а на столе за спиной — гроссбух, в который она, выполняя домашнее задание, заносила дебет и кредит компании, сведения о повседневном бизнесе которой переписала неделю назад в тетрадь — на занятиях в лицее.

Услышав, как открылась передняя дверь, Эйлиш сошла вниз. В прихожей Роуз рассматривала в карманном зеркальце свое лицо. Сосредоточенно вглядываясь, она подкрасила губы, потом веки, а потом повернулась, чтобы оценить

Бруклин

картину целиком, к большому зеркалу на стене, поправила волосы. Эйлиш молча смотрела, как сестра облизывает губы, еще раз заглядывает в зеркальце и убирает его в сумочку.

Из кухни вышла их мать.

— Чудесно выглядишь, Роуз, — сказала она. — Ты будешь сегодня королевой гольф-клуба.

— Я проголодалась, — ответила Роуз, — а времени на еду нет.

— Вечером напою тебя чаем, — пообещала ей мать. — А мы с Эйлиш выпьем сейчас.

Роуз достала из сумочки кошелек. Открыла и положила на полку вешалки монету в один шиллинг.

— На случай, если захочешь в кино сходить, — сказала она Эйлиш.

— А как же я? — спросила мать.

— Она, как вернется домой, все тебе расскажет, — ответила Роуз.

— Как мило! — сказала мать.

Все трое рассмеялись и тут же услышали, как на улице остановилась и погудела машина. Роуз подхватила ключики и вышла.

Немного позже, когда мать мыла тарелки, а Эйлиш их вытирала, кто-то постучал в дверь. Открыв, Эйлиш увидела девушку из продуктовой лавки «Келлис», что находилась у кафедрального собора.

— Меня мисс Келли прислала, — сообщила девушка. — Ей нужно вас повидать.

— Правда? — удивилась Эйлиш. — А зачем, она не сказала?

— Нет. Вы просто зайдите к ней вечером.

Часть первая

— Но зачем же я ей понадобилась?

— Господи, да я не знаю, мисс. Я у нее не спрашивала. Хотите, чтобы я вернулась и спросила?

— Нет, не стоит. Но вы уверены, что она вас *ко мне* послала?

— Уверена, мисс. Она говорит, что вы должны к ней заглянуть.

Поскольку Эйлиш так или иначе решила, что в кино пойдет не сегодня, а гроссбух успел ей изрядно надоесть, она переделалась, накинула кардиган и вышла из дома. По Фрайэри-стрит и Рафтер-стрит дошла до Рыночной площади, поднялась к собору. Магазинчик мисс Келли был закрыт, поэтому Эйлиш постучала в боковую дверь, которая вела к лестнице на второй этаж, где, по ее сведениям, жила мисс Келли. Дверь открыла все та же девушка и попросила Эйлиш подождать.

Некоторое время она прислушивалась к голосам и шагам наверху, потом девушка спустилась и сказала, что мисс Келли сейчас выйдет.

Эйлиш знала ее в лицо, однако мать в лавку мисс Келли не ходила, там все было слишком дорого. Кроме того, Эйлиш считала, что мать недолюбливает мисс Келли, хоть и не знала, по какой причине. Говорили, что у мисс Келли лучшие в городе ветчина и сливочное масло, что все ее продукты, в том числе и сливки, наисвежайшие, но Эйлиш в ее магазине не бывала, просто заглядывала, когда проходила мимо, внутрь и мельком видела стоящую за прилавком хозяйку.

Мисс Келли медленно спустилась в прихожую, зажгла свет.

Бруклин

— Ну вот, — сказала она и затем повторила эти слова еще раз, как будто они были приветствием.

Эйлиш собралась было объяснить, что она — та, за кем посылали девушку, и благовоспитанно спросить, правильное ли она выбрала время для визита, однако что-то в том, как мисс Келли оглядывала свою гостью с головы до пят, заставило ее промолчать. Эта манера мисс Келли навела Эйлиш на мысль, что, возможно, кто-то из горожанок обидел хозяйку лавки и та ошибочно приняла за обидчицу ее, Эйлиш.

— Пришли, стало быть, — произнесла мисс Келли.

Эйлиш вдруг обратила внимание на изрядное число прислоненных к напольной вешалке черных зонтов.

— Я слышала, что у вас нет работы и что вы хорошо умеете считать.

— Правда?

— Ну, в мой магазин заходит весь город, во всяком случае каждый, кто в нем что-нибудь значит, поэтому я чего только не слышу.

Не исключено, подумала Эйлиш, что это намек на обыкновение мамы делать покупки в другой лавке, впрочем, наверняка ничего не скажешь. Из-за толстых очков мисс Келли прочесть что-либо на ее лице было трудно.

— А мы тут каждое воскресенье с ног сбиваемся. Ну еще бы, остальные-то магазины закрыты. Вот все к нам и идут — хорошие люди, плохие и никакие. Как правило, я открываюсь после семичасовой службы, и с конца девяти-

Часть первая

часовой до завершения одиннадцатичасовой да и какое-то время спустя в магазине не протолкнешься. Мэри помогает мне, однако она копуша, поэтому я решила найти девушку посообразительнее, которая и в людях разбиралась бы, и сдачу умела правильно отсчитать. Но только на воскресенье, имейте в виду. В остальные дни мы и сами управимся. А вас мне порекомендовали. Я навела о вас справки, вы будете получать семь шиллингов и шесть пенсов в неделю, они и вашей матери жизнь немного облегчат.

Говорит мисс Келли, думала Эйлиш, так, точно описывает чье-то оскорбительное к ней отношение — поджимая губы по окончании каждой фразы.

— Это все, что я вам хотела сказать. Начать можете в воскресенье, но завтра приходите — познакомитесь с ценами, а мы покажем вам, как обращаться с весами и ломтерезкой. Волосы вам придется зачесывать назад, а кроме того, купите в «Дэн-Болджерсе» или «Берке-О’Лири» приличный халат.

Эйлиш старалась запомнить все услышанное, чтобы передать матери и Роуз; ей хотелось сказать мисс Келли что-нибудь резкое, но не явно грубое. Однако в голову ничего не приходило, и она молчала.

— Ну что? — спросила мисс Келли.

Эйлиш понимала: отвергнуть это предложение она не может. Все-таки лучше чем ничего, а у нее сейчас только «ничего» и было.

— Да, мисс Келли, — ответила она. — Я начну, когда скажете.

Бруклин

— Заодно сможете посещать по воскресеньям семичасовую службу. Мы так и делаем, а когда она заканчивается, открываемся.

— Замечательно, — сказала Эйлиш.

— Тогда до завтра. Если я буду занята, вернетесь домой — или можете подождать, рассыпая по пакетам сахар, а если буду свободна, покажу вам, что у нас к чему.

— Спасибо, мисс Келли, — сказала Эйлиш.

— Ваша мать будет рада, что вы получили работу. И сестра тоже, — заявила мисс Келли. — Я слышала, она хорошо играет в гольф. А теперь идите, как приличная девочка, домой. Я вас больше не задерживаю.

Мисс Келли повернулась и начала медленно подниматься по лестнице. Направляясь к дому, Эйлиш думала о том, что мама и вправду обрадуется, услышав, что дочь теперь сможет зарабатывать, а вот Роуз сочтет работу за прилавком продуктовой лавки недостойной сестры. Интересно, скажет ли она об этом прямо?

По дороге Эйлиш заглянула в дом своей лучшей подруги Нэнси Бирн и застала там еще одну их подругу, Аннетт О'Брайен. Поскольку комната у Бирнов была внизу лишь одна — кухня, она же столовая, она же гостиная — и поскольку сразу стало ясно, что Нэнси не терпится поделиться новостями, часть которых Аннетт, судя по всему, уже знала, первая воспользовалась появлением Эйлиш как предлогом для прогулки, позволявшей подругам поговорить с глазу на глаз.

— Что-то случилось? — спросила Эйлиш, едва они вышли на улицу.

Часть первая

— Ничего не говори, пока не отойдем от дома на милю, — сказала Нэнси. — Мама знает: кое-что произошло, но я ей ничего не рассказывала.

Они спустились по Фрайэри-Хилл, прошли по Милл-Парк-роуд к реке и направились променадом к Рингвуду.

— Она роман закрутила. С Джорджем Шериданом, — сказала Аннетт.

— Когда это? — спросила Эйлиш.

— Воскресным вечером, на танцах в «Атенеуме», — ответила Нэнси.

— Я думала, ты на них не собираешься.

— Я и не собиралась, а после пошла.

— И танцевала с ним до самой ночи, — сообщила Аннетт.

— Ничего подобного, всего-то четыре последних танца, а потом он проводил меня домой. Но нас все видели. Странно, что тебе до сих пор ничего не доложили.

— Ты намерена и дальше встречаться с ним? — спросила Эйлиш.

— Не знаю, — вздохнула Нэнси. — Может, просто столкнусь на улице. Он вчера проезжал мимо меня и посигналил. Будь там кто-то еще, ну, девушка, которая пришлась бы ему по вкусу, он танцевал бы с ней, однако такой не нашлось. Он пришел туда с Джимом Фарреллом, но тот просто стоял и смотрел на нас.

— Если все дойдет до его матери, прямо не знаю, что она скажет, — заметила Аннетт. — Она жуткая. Я терпеть не могу заходить в их магазин, когда там нет Джорджа. Мама однажды

Бруклин

послала меня туда за парой ломтиков бекона, так старуха заявила, что по два ломтика она не отпускает.

Тут-то Эйлиш и сообщила, что мисс Келли предложила ей работать по воскресеньям в ее магазине.

— Надеюсь, ты объяснила, куда ей следует засунуть свое предложение? — спросила Нэнси.

— Я сказала, что принимаю его. Вреда мне от этого не будет. Зато я смогу ходить с тобой в «Атенеум» на собственные деньги и следить, чтобы тебя не обидели.

— Да какие там обиды, — сказала Нэнси. — Он вел себя очень мило.

— Так намерена ты с ним встречаться? — повторила вопрос Эйлиш.

— Пойдем в это воскресенье вместе, — попросила Нэнси. — Его, может, там и не будет, но Аннетт пойти не удастся, а мне наверняка понадобится утешительница, если он появится и не пригласит меня танцевать, а то и не посмотрит в мою сторону.

— Я могу слишком устать на работе у мисс Келли.

— Но ты пойдешь?

— Я там уже сто лет не бывала, — ответила Эйлиш. — Не выношу всех этих деревенских олухов, а городские еще и похуже. Полупьяные и думают только о том, как бы затащить тебя на Тэн-Ярд-лейн.

— Джордж не такой, — возразила Нэнси.

— Ага, слишком чванливый, чтобы снизойти до Тэн-Ярд-лейн, — заявила Аннетт.

Часть первая

— А давай предложим Джорджу подумать, не начать ли его мамаше отпускать по два ломтика бекона, — сказала Эйлиш.

— Не говори ему об этом, — попросила Нэнси. — Но ты правда собираешься работать у мисс Келли? Вот где бекон-то хорош.

В следующие два дня мисс Келли знакомила Эйлиш с товарами магазина. Эйлиш попросила листок бумаги, чтобы записывать названия сортов чая и размеры упаковок с ним, но мисс Келли заявила, что это будет напрасной тратой времени, самое правильное заучить все назубок. Наиболее ходовые по воскресеньям товары, сказала она, — сигареты, масло, чай, хлеб, бутылки молока, коробки крекеров, вареная ветчина и солонина, а за ними идут жестянки сардин и лосося, консервированные мандарины и груши, компот-ассорти, куриный и свиной паштеты, паста для сэндвичей и сливочный майонез. По ходу дела она показывала все это Эйлиш, называя цены. А убедившись, что Эйлиш цены запомнила, перешла к другим товарам: сметана, лимонад, помидоры, кочаны латука, свежие фрукты и мороженое.

— Представьте себе, нынче появились люди, которые приходят по воскресеньям за тем, что можно купить в любой другой день. Что тут поделаешь?

И мисс Келли, неодобрительно поджав губы, перечислила, что покупают эти типы, — мыло, шампунь, туалетная бумага, зубная паста, — общая цену каждого товара.

Бруклин

Некоторые, прибавила она, покупают по воскресеньям сахар или соль, а то и перец, однако таких все же немного. Попадаются даже те, кому понадобилась светлая патока, или пекарный порошок, или мука, хотя эти товары лучше всего расходятся по субботам.

— Ну и всегда забегают дети, — и мисс Келли обвела взглядом полку с плитками шоколада, ирисками, пакетиками с порошком для шипучки, мармеладными пупсиками, — и мужчины, за сигаретами и спичками, однако их обслуживает Мэри, поскольку с большими заказами она не справляется, да и цены запомнить не может и нередко, — продолжала мисс Келли, — если в магазин набивается много покупателей, становится скорее помехой, чем помощницей. Никак не могу отучить ее глупо тарашиться на людей. Даже на постоянных клиентов.

Выбор товаров в магазине богатый, поняла Эйлиш. Изобилие сортов чая, в том числе и очень дорогого, да вообще все здесь дороже, чем в «Хейзе» на Фрайэри-стрит, «ЛиН» на Рафтер-стрит или в «Шериданс» на Рыночной площади.

— Вам придется научиться расфасовывать сахар и заворачивать хлеб, — продолжала мисс Келли. — Но это как раз из того небольшого, что у Мэри, помощи ей Бог, получается хорошо.

В первые же дни Эйлиш заметила, что с каждым покупателем мисс Келли держится по-разному. С одними она не произносила ни слова — просто стискивала зубы, а поза ее за прилавком давала понять, что присутствие этого человека в магазине крайне нежелательно и хорошо бы ему удалиться как можно скорее. Другим сухо

Часть первая

улыбалась, но взирала на них с мрачным терпением, а плату принимала так, словно оказывала великую честь. Однако с иными она тепло здоровалась, называла по именам; для таких у нее был открыт кредит, и никакие наличные при покупках из рук в руки не переходили, мисс Келли просто заносила сумму в гроссбук, успевая при этом осведомляться о здоровье клиента и отпустить замечания о погоде, или качестве ветчины либо бекона, или разновидностях выставленного в витрине хлеба — от саек до того, который скармливают речным уткам, и булочек с коринкой.

— А я вот пытаюсь обучить эту юную леди, — сообщила она покупательнице, которую, по-видимому, ценила выше прочих, женщине со свежим перманентом, Эйлиш ее никогда прежде не видела. — Пытаюсь обучить ее и надеюсь, она будет более чем усердной, потому что Мэри, помоги ей Бог, усердна, да толку от нее никакого и даже меньше. Надеюсь, эта девица окажется проворной, понятливой и надежной, хотя в наши дни таких помощниц ни за какие деньги не раздобудешь.

Эйлиш взглянула на Мэри — та смущенно стояла у кассы и внимательно слушала свою хозяйку.

— Впрочем, у Господа всякой твари по паре, — заключила мисс Келли.

— Вот тут вы правы, мисс Келли, — согласилась, укладывая покупки в авоську, женщина с перманентом. — И сетовать на это бессмысленно, не так ли? Должен же кто-то и улицы мести.